

Сказка Морозко:

Жили-были дед и баба. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься - бита и недовернешься - бита. А родная дочь что ни сделает - за все глядят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела - еще до свету... Ничем старухе не угодишь - все не так, все худо. Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится - не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить. - Вези, вези ее, старик, - говорит мужу, - куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадей:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит - невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуше затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей; окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, где под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте-серебре, а около - короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

- Не так тьявкаешь! Говори: "Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут..." Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка - все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица - в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула - и руки врозь...

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскокаивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

- Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут. Старуха кинула ей пирог:

- Не так тявкаешь! Скажи: "Старухину дочь в злате-серебре везут..."

А собачка - все свое:

- Тяв, тяв! Старухиной дочери в мешке косточки везут... Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

Сказка

Хаврошечка

Русская народная сказка

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

Фархад и Ширин

Было или не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далекой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти,, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставляю тебе в наследство, сын мой, кроме

этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот этот ларец, не открывай его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад, открыл из любопытства ларец. Нашел он в нем небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы и среди них одна — прелестная словно пери. Не мог оторвать от нее взора Фархад и упал без чувств. Долго бы пролежал Фархад, если бы к нему не зашел его друг Шапур.

— Видит Шапур, что лежит его друг, как мертвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили, есть ли такая прекрасная девушка на свете. Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка прохладной воды и плеснул ее на лицо Фархада. Пришел в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало, и сразу вспомнил о неведомой красавице. И стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуrom идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом высились высокие горы.

Посмотрел Фархад вокруг и удивился. Хоть и было лето, но деревья стояли желтые и листья их осыпались, как глубокой осенью. Поля высохли и растения поблекли. У иссохшего канала, изнуренные тяжким трудом, стояли худые люди. Кетнями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди,— крикнул Фархад,— и для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город, и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра гармсия.

Три года проливают слезы и пот люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая точно железо скала не поддается и все усилия тщетны.

— Друг мой, Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды.

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу. Много силы было в руках Фархада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени, раздул горн и, переплавив их, выковал вместе с Шапуrom один большущий кетмень, которого не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад одной рукой кетмень, взмахнул раз, взмахнул два, получился канал больше того, который копали люди три года. Еще раз ударил Фархад кетменем, ударил два и задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду. Городом Беговат правила в ту пору султанша Гуль-чехра и была у нее любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору.

Побежала Ширин к своей тетке Гульчехре и, лапаясь так и эдак, упростила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто по-вернет Сыр-Дарью в Голодную степь,— говорила Ширин.

Так увлекся Фархад работой, что не заметил, как подъехали султанша Гульчехра с Ширин. Остановился Фархад утереть пот на лице, глянул на приехавших, а тут ветер откинул покрывало с лица Ширин и он увидел ту самую пери, которая была в зеркале.

Сказал только: «Ох!» Фархад и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный Друг Шапур знал в чем дело, да не смел сказать.

Пришел в себя Фархад, смотрит на Ширин, глаз не может оторвать. Застыдилась Ширин,

глянула только на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам. И вдруг подняла коня девушка на дыбы и помчалась прочь. Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной принцессой около ворот. Ушел Фархад, ничего не сказав Ширин и не посмотрев на нее. Удивилась красавица и почему-то на сердце ее стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелее становилось ему: «Разве может полюбить тонкостанная, рожденная в бархате и шелку, меня, простого каменотеса».

Не вернулся он к арыку, а пошел на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь неизвестного строителя.

Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так все и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, посадили на почетном месте.

Фархад не знал, что и делать, так рад он был увидеть Ширин.

Начинался веселый пир. Звенели дутары. Девушки, стройные как газели, танцевали.

Юноши играли в борьбу. Все было прекрасно: и песни, и яства, и танцы, только не было Ширин. Все мрачнее и печальнее становился Фархад.

Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лица гостей. Все веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и

Ширин. Во время всего пира они ничего не пили, не ели только глядели друг на друга.

Как вдруг приехали послы из царства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны, старого, плешивого Хосрова. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал к Гульчехре он сватов.

Печаль сменила веселье, замолкли напевы златострунного саза, не слышно было смеха.

Знала Гульчехра, что, если откажет она Хосрову, будет страшен его гнев, пойдет он войной на Беговат, разоряя селения и поля на своем пути.

— Эй, женщина,— сказал посол Гульчехре,— мой господин, царь царей Хосров, встал у границ твоего государства с многотысячным войском. Хосров сказал: «Пусть царевна Ширин разделит со мной ложе, а если нет — камня на камне я не оставлю от Беговата, а надменная Ширин и ты с веревками на шее пойдут за моим конем. Отвечай!»

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как дикая коза джейран, Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве.

Страшно разгневался Хосров на отказ и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Черной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны войны, загудели медные трубы, запылали костры. Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе,— сказал себе Фархад,— не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошел Фархад на гору, выломал своим гигантским кетменем два утеса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к Хосрову:

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див на горе играет скалами, точно яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони — видит действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утесы

— Эгей, человек,— закричал Хосров,— кто ты такой и что ты делаешь там на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фархад, а дыхание его даже и не ускорилося, хоть каждый утес был весом по сорок пудов.— Уходи, шах Хосров, прочь отсюда со своими воинами, а не то я начну вот эти игрушки в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным своим воинам в золотых шлемах и с

золотыми щитами пойти на гору и привести Фархада живым или мертвым. Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал еще сорок отборных воинов, но и их постигла такая же участь.

Хотел Хосров послать тогда на Фархада все свое многотысячное воинство, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь и проговорил:

— Недостойно великому 'шаху с могучим войском сражаться с каким-то каменотесом. Победишь ты Фархада, о шах, славы тебе не прибавится, победит тебя, да не допустит аллах, этого, Фархад — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты советуешь?— сердясь, сказал Хосров.— Скорее, иначе я позову палача и...

— Зачем же звать палача,— ответил хитроумный визирь,— там, где нельзя победить мечом, там можно победить умом. О шах, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первый проложит через гору канал и пустит воду на изнывающие от засухи земли Голодной степи.

Еще больше рассердился Хосров и закричал на своего визиря:

— Я — великий шах великого государства, а не земледелец, измазанный в глине. Что же ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю. Не будет этого.

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре.

Не шумели они, не грозили войной. Льстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

— Наш шах,— сказали они,— хотел только испытать мужество беговатцев. И он передает свое уважение и восхищение. Не хочет влюбленный Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернет реку Сыр-Дарью в Голодную степь. Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила стыдливо свои прекрасные глаза и сказала одно только слово:

-Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в сопровождении пышной свиты сам шах Хосров.

— О, сладчайшая из принцесс,— сказал он, — я берусь выполнить твоё желание. Сегодня же ночью Сыр-Дарья потечет на сухие земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у нее на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко ранили ее в самое сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у каждой хижины, у каждой юрты, у каждого дома и бить в барабаны и объявлять:

— Люди, кто повернет сегодня Сыр-Дарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глашатаев Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу. Задрожала, зашаталась гора под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегородившая течение буйной реки.

Тысячи людей сбежались смотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь шаха Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршественный зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему

повелителю. Тогда поднялся Хосров и, поклонившись Гульчехре, сказал:
— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы, прелестной Ширин, исполнено. Вода течет в степь. Все бросились на крышу дворца.
И Ширин увидела как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ. И вот вода была.
Еще ниже поклонился Хосров:
— О, Ширин, выполняй свое обещание.
Почему так больно сжалось сердце Ширин: «О Фархад, где ты?»—думала Ширин. В безумной тоске хотела она сброситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание. Если она разобьется и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.
Не знала Ширин того, что в степи блестела под лучами луны не вода, то отражался свет в блестящих тростниковых цыновках, расстеленных длинной полосой на земле в степи по приказу хитроумного визиря.
Начался свадебный пир.
Подобно круглой луне на темном небе блестела неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прекрасной невесты была улыбка, на глазах — слезы. Сердце красавицы билось и рвалось на волю, туда, куда звала его любовь. Найти, найти его — рыдало сердце.
Вопили.- карнаи, бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кабоб, целиком изжаренные бараны, шурпа, вино, орехи, конфеты—всего было в изобилии.
Так стала Ширин женой Хосрова.
Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с предрассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.
Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окруженный сильными воинами.
Проливала слезы безутешная, обманутая Ширин.
Всю ночь, не покладая рук, работал Фархад. Могучим своим кетменем он ломал скалы и бросал в реку, но поток уносил их с собой. Разозлившись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул ее с места.
Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.
Еще одно усилие и река остановит свой бег!
Тогда Фархад спросил:
— Где же Ширин? Пусть придет взглянуть на труд мой!
Опустив головы, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур. Только ветер уныло прошумел;
— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. От обманул ее, она не любит его!
Но потрясенному черной вестью Фархаду послышалось, что ветер говорит: «Любит, любит Хосрова».
Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал, только, как сердце ему шептало: «Зачем петь тебе Фархад — соловей поет не тебе. Зачем смотреть тебе Фархад — глаза прекрасной смотрят не на тебя,. Зачем дышать тебе Фархад — розы благоухают в другом саду».
В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.
Увидел Фархад свою любимую, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сыр-Дарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки и окаменел от горя.
Рванулась Ширин к Фархаду, проливая потоки слез, и превратилась в кристально прозрачную речку.
Так и стоит до наших дней близ Беговата на берегу Сыр-Дарьи могучий утес Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струятся тихие слезы красавицы Ширин.

